

Rule of law and legal fact in the logic of the regulatory activity of the civil legislative

E. Y. Motovilovker¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/2306-5648-2024-4-441-453

Research article
Full text in Russian

The article provides a critical analysis of the dogmatic idea widespread in legal and especially civil literature, according to which the norm of civil law is one of the general legal prerequisites for the emergence of civil rights and obligations, and a legal fact acts as a private legal basis for the emergence of specific civil legal relations (O.A. Krasavchikov).

In defining the relationship between a norm and a legal fact in this way, the traditional doctrine proceeds from the fact that a legal fact is a fact of real reality with which a legal norm, as a general regulation regulating social relations, links legal consequences.

In the author's opinion, such a position is refuted by the understanding that the legal norm, by its substrate, is the text of the named law, containing a certain statement of the legislator. The norm, therefore, does not regulate, because it is created by the regulating activity of the legislator.

Knowledge of the formula of the normative statement allows us to define a single norm as the basis for the fact that any situation described in it becomes the basis for the emergence of those rights and obligations for persons who turned out to be the participants in the situation designated in the norm, which are described by the legislator and specified by the conditions of the situation that occurred.

In the light of this paradigm, the starting point of the relationship between the norm and the legal fact is the postulate according to which the legal norm is the result of the regulation by the legislator of a certain factual situation, which is the legal fact.

Keywords: legal norm; legal fact; factual situation; civil rights and obligations; basis for emergence; regulating the activities of the legislator; text of the law; participants in the situation

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Motovilovker, Evsey. Y. | E-mail: jakobs55@rambler.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence)

For citation: Motovilovker E. Y. Rule of law and legal fact in the logic of the regulatory activity of the civil legislative // Demidov Law Journal. 2024. Vol. 14, No. 4. P. 441-453. (in Russ.)

Норма права и юридический факт в логике регулирующей деятельности гражданского законодателя

Е. Я. Мотовиловкер¹

¹ Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2306-5648-2024-4-441-453

Научная статья

УДК 347.2 /3

Полный текст на русском языке

В статье проводится критический анализ распространенного в юридической и особенно цивилистической литературе догматического представления, согласно которому норма гражданского права является одной из общих юридических предпосылок возникновения гражданских прав и обязанностей, а юридический факт выступает частной правовой основой возникновения конкретных гражданских правоотношений (О. А. Красавчиков).

Определяя таким образом соотношение нормы и юридического факта традиционная доктрина исходит из того, что юридический факт – это факт реальной действительности, с которым норма права как общее предписание, регулирующее общественные отношения, связывает юридические последствия.

На взгляд автора такая позиция опровергается пониманием, что норма права по своему субстрату есть текст поименованного закона, содержащий определенное высказывание законодателя. Норма, таким образом, *не регулирует*, ибо *создается регулирующей деятельностью законодателя*.

Знание формулы нормативного высказывания позволяет определить единичную норму как **основание** того, что всякая описанная в ней ситуация становится **основанием возникновения** у лиц, оказавшихся обозначенными в норме фигурантами ситуации, тех прав и обязанностей, которые описаны законодателем и конкретизированы условиями случившейся ситуации.

В свете этой парадигмы исходным пунктом соотношения нормы и юридического факта выступает постулат, согласно которому норма права является результатом регулирования законодателем определенной фактической ситуации, которая и есть юридический факт.

Ключевые слова: норма права; юридический факт; фактическая ситуация; гражданские права и обязанности; основание возникновения; регулирующая деятельность законодателя; текст закона; фигуранты ситуации

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мотовиловкер, Евсей Яковлевич

E-mail: jakobs55@rambler.ru

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса

Для цитирования: Мотовиловкер Е. Я. Норма права и юридический факт в логике регулирующей деятельности гражданского законодателя // Демидовский юридический журнал. 2024. Том 14, № 4. С. 441-453.

1. Осознание догматической мистификации нормы. Рассуждая о базовых категориях, таких как юридический факт, субъективное право и обязанность, правоотношение, юридическая доктрина традиционно выводит их из нормы права (отождествляя с законом), усматривая в ней способность *производить* отраженные в понятиях явления действительности.

Вот, полагают ученые, норма *связывает* с указанной ею ситуацией возникновение определенных правовых последствий и, таким образом, *делает* ситуацию юридическим фактом [1, с. 51, 76].

Вот, утверждают авторы, норма одних субъектов *наделяет* юридическими правами, а на других – *возлагает* обязанности [1, с. 76].

А вот, говорят теоретики, норма *регулирует* какие-то общественные отношения, преобразуя их в правоотношения [2, с. 35].

2. Вопрос о субстрате нормы. Выходит, характеризуя норму, каноническая юриспруденция сразу и категорически

а) выделяет *её функции* (норма и устанавливает, и наделяет, и, главное, регулирует),

б) но практически ничего не говорит о том, каким же образом эти функции *выводятся из объективного содержания нормы*. Ведь функции объекта обуславливаются тем материалом, из которого он состоит.

И тогда возникают вопросы: что является *материалом* единичной нормы права, питающей её способность регулировать? Каков *субстрат* единичной нормы как объекта действительности? *В пространстве какой реальности* она существует?

Доктрина не знает такого вопроса, ибо по традиции определяет субстрат нормы через совершенно абстрактный, бессодержательный, «смутный» термин *«общее правило поведения»*. И, следовательно, не выводит, не обосновывает способность нормы регулировать «темные» общественные отношения, а просто приписывает ей эту способность. Без всякого объяснения.

3. Единичная норма права как текст. Так как же правильно ответить на вопрос о том, *каким материалом* единичная норма права дается нам в ощущениях. Как мы *воспринимаем* этот объект действительности? *Чем он является* в реальный мир?

Ответ очевиден. Нормы права содержатся в законе (в широком смысле – нормативно-правовых актах). Законы пишутся законодателем. Следовательно, единичная норма права по своему субстрату, по способу своего бытия, по внешнему облику есть *определенный текст поименованного закона*.

4. Ошибочность догмы «норма права регулирует». Теперь с позиции этого постулата проверим на обоснованность и достоверность базовую догму о *регулировании нормой права общественных отношений*.

Предварительно проясним, что *регулирование* – это деятельность, осуществляемая субъектом, и, значит, «кто-то», а не «что-то» занимается регулированием.

Дальше порассуждаем. Утверждение: «норма права регулирует» равносильно: «норма есть субъект регулирующей деятельности». Но норма – это *текст закона* и, значит, не может регулировать, ибо текст – не субъект и заниматься деятельностью, в частности регулирующей, не способен.

Таким образом, очевидность факта, согласно которому норма есть *текст закона*, соединенная с пониманием, что регулирование – это *деятельностный акт определенного субъекта*,

отменяет достоверность базовой догмы, разрушает истинность главного знания о норме права как об общем правиле поведения, регулирующем общественные отношения.

5. Построение новой аксиомы. А что взамен? Если норма не регулирует, то кто регулирует? Построим рассуждение.

Шаг № 1. Если норма – это текст, значит, она имеет своего автора. И если это текст закона, значит, автором нормы, творцом определенного текста закона является законодатель.

Следовательно, **норма права создается (пишется) законодателем.**

Шаг № 2. Теперь разберемся с регулированием в логике заблуждения о регулирующей норме. Норма не регулирует, ибо **регулирование – это деятельность**, а норма – это **текст закона**, творение законодателя, а не субъект. Так *кто же* субъект регулирования? Разумеется, тот, кто создает норму права, творит текст закона, т. е. **законодатель**. Он и есть субъект регулирующей деятельности.

Соответственно, **ошибка** догматиков, утверждающих, что норма регулирует, заключается **в отождествлении** творения с творцом, субъекта деятельности с ее результатом. Достаточно объяснимая и объясненная ошибка. Но об этом позже.

Сейчас же *мы выходим на* принципиальную аксиому. **Создавая норму права, законодатель занимается регулированием.** И наоборот. **Занимаясь регулированием, законодатель создает норму права.**

Шаг № 3. Здесь заметим, что, занимаясь регулированием и создавая норму, законодатель **более ничего не делает**. Иными словами, написав текст единичной нормы и поместив его в содержание определенного закона, законодатель *ставит точку* в деле регулирования, завершает акт регулирования. Законодатель **дает закон**, то есть пишет тексты, образующие нормы. На то он и законодатель.

Отсюда следует завершающий наше рассуждение вывод: единичная норма права есть **результат** акта законодательного регулирования.

6. Генезис ошибочности догмы о способности нормы права регулировать. Достоверность, очевидность и простота этого тезиса вскрывает причины ошибочности традиционной догмы «*норма права регулирует*».

Почему традиционалисты «сто лет» твердят о способности нормы права регулировать общественные отношения?

Потому что ученые абсолютизировали факт отдельного, автономного существования нормы права как закона, который действует в пространстве и времени, который применяется и толкуется.

«Забыв» об авторстве нормы, ученые-юристы потеряли смысл её созданности законодателем и, таким образом, приписали результату регулирующей деятельности статус её субъекта, слили закон с законодателем, то есть персонифицировали норму.

Тем самым была допущена классическая ошибка реификации, блестяще описанная П. Бергером и Т. Лукманом¹.

¹ «Реификация – это восприятие продуктов человеческой деятельности как чего-то совершенно от этого отличного, вроде природных явлений, следствий космических законов или проявлений божественной воли. Реификация означает как то, что человек может забыть

7. Разворот базовой аксиомы: два шага. Итак, оттолкнувшись от очевидности факта текстуального бытия нормы права, мы получили н о в у ю а к с и о м у: **норма права есть результат регулирующей деятельности законодателя.**

Сконструированный в логике *разделения* регулирования как деятельности законодателя и нормы права как текста закона

сам этот постулат образует **новую парадигму**, базовую **методологическую идею**, ибо его постепенное, пошаговое логическое разворачивание, по сути, означает строительство новой недогматической концепции, создание иной «свежей» цивилистической картины мира.

Первые два шага таковы.

Во-первых, аксиома, согласно которой норма права есть результат акта законодательного регулирования, предлагает аналитику **новую формулировку** старого вопроса *о предмете правового регулирования*.

На место догматического вопроса: **Что регулирует норма права?** – с его совершенно абстрактным и бессмысленным ответом: «Общественные отношения»

аналитик ставит вопрос: **Что регулирует законодатель**, создавая текст нормы права?

Во-вторых, сама эта аксиома определяет ход мысли при ответе на данный вопрос, то есть организует процесс его получения, задает логику размышления.

Если, занимаясь регулированием, законодатель пишет текст нормы, значит, ответ на вопрос: *что он регулирует?* – лежит в *анализе* созданного им текста.

Иными словами, для понимания предмета законодательного регулирования необходимо определить **формулу образующего текст нормы высказывания законодателя**.

8. Норма права как высказывание гражданского законодателя. Логика обобщающего рассмотрения множества текстов единичных норм гражданского права, соединенная с *критическим анализом* догматических представлений о *структуре нормы* и таких ее элементов как *гипотеза, диспозиция и санкция*,

приводит к выводу о том, что каждая «рабочая» норма содержит в себе высказывание, выстроенное гражданским законодателем по следующей формуле:

е с л и в реальной жизни случится описанная мной **фактическая ситуация**,
т о н а э т о м о с н о в а н и и

а) у лиц, оказавшихся обозначенными мной **фигурантами**, непосредственно или опосредованно (при наступлении других обстоятельств) *возникнут*

б) описанные мной **право и обязанность** (либо одно только право).

Именно такое высказывание законодателя образует **смысл** единичной нормы гражданского права. Соответственно, аналитик, желающий понять вложенный законодателем в ту или иную норму **смысл**, должен прочитать ее текст на **языке данной формулы**, должен *преобразовать* его в показанное выше высказывание. Продемонстрируем, как это можно сделать на отдельных примерах.

Пример первый. Норма, содержащаяся в тексте абз. п. 1 ст. 233 ГК РФ, именуемой «Клад», по сути представляет собой следующее высказывание законодателя:

«Если некое лицо обнаружит, в частности, на земельном участке клад, понятие которого я определяю данным образом (*описание фактической ситуации*),

т о н а э т о м о с н о в а н и и

о своем авторстве в деле создания человеческого мира, так и то, что у него нет понимания диалектической связи между человеком-творцом и его творениями» [3, с. 147].

а) у нашедшего клад и лица, являющегося собственником земельного участка (*определение фигурантов ситуации*), в о з н и к н е т

б) по 1/2 в праве собственности на клад (*описание права*)».

Пример второй. Текст нормы абз.1 п. 1 ст. 810 ГК РФ, именуемой «*Обязанность заемщика возратить сумму займа*» может быть преобразован следующим образом:

«Если определенные лица заключили договор займа, определение которого дано в ст. 807 ГК РФ (*описание ситуации*),

то на этом о с н о в а н и и

а) у займодавца в о з н и к н е т право требования, б) а у заемщика – соответствующая обязанность своевременно возратить займодавцу полученную сумму займа (*обозначение фигурантов и описание права и обязанности*).

Пример третий. Смысл нормы, содержащейся в п. 1 ст. 94 ГК РФ, заключается в законодательном высказывании:

«Если участник ООО вышел из общества путем подачи заявления о выходе из общества (*описание ситуации*),

то на этом о с н о в а н и и

у вышедшего в о з н и к а е т право требования к обществу, а у последнего – соответствующая обязанность выплатить действительную стоимость его доли в уставном капитале (*обозначение фигурантов и описание права и обязанности*).

9. Предмет, способ и цель законодательного регулирования. Именно потому, что единичная норма права есть *результат акта законодательного регулирования*, логическими следствиями представленной выше формулы нормативного высказывания являются ответы на *три последовательно возникающих вопроса*:

Что регулирует гражданский законодатель, занимаясь созданием нормы, т. е. что образует *предмет законодательного регулирования*?

Как, каким способом он регулирует этот предмет?

Какую цель преследует законодатель, занимаясь созданием нормы, т. е. какова цель законодательного регулирования?

Ответ на первый вопрос. Из формулы нормативного высказывания следует, что *поводом* для написания гражданским законодателем текста нормы служит **определенная фактическая ситуация**. Именно *ситуацию* он *описывает* в начале нормы, именно ее он *объявляет* основанием возникновения определенных прав и обязанностей.

Следовательно, создавая норму, гражданский законодатель регулирует описанную в норме и, таким образом, *определенную фактическую ситуацию*, которая и образует *предмет законодательного регулирования*.

Ответ на второй вопрос. В свете формулы нормативного высказывания вопрос, **каким образом** законодатель *регулирует* избранную им ситуацию, есть вопрос о том, **как** он о ней *размышляет*, создавая норму, в **какой контекст** помещает ее описание.

Формула дает четкий ответ на этот вопрос. Регулируя описанную фактическую ситуацию, гражданский законодатель **объявляет ее основанием возникновения** у выделенных *фигурантов* ситуации описанных *прав и обязанностей*. Таким образом, смысл регулирования законодателем некой ситуации заключается в ответе им на вопрос, *какие правовые последствия* наступят, если в реальной жизни случится описанная в норме ситуация.

Ответ на третий вопрос. Логика, в которой выстроено нормативное высказывание, позволяет умозаключить, что с помощью нормы законодатель добивается того, что

*всякая случившаяся в реальной жизни ситуация, в силу своей урегулированности, будет **основанием возникновения** тех правовых последствий, которые описаны в норме и конкретизированы условиями ситуации.*

Такова **цель регулирования** законодателем определенной фактической ситуации, которая попутно объясняет, *как действует единичная норма права.*

10. Норма права как действующий феномен. Полученные знания о предмете, способе и цели законодательного регулирования позволяют определить единичную норму гражданского права как **основание того, что**

*всякая случившаяся ситуация, подпадающая под описанную в норме, будет выступать **основанием возникновения** у лиц, оказавшихся ее фигурантами, описанных в норме прав и обязанностей.*

Отсюда следует, что **действие нормы права** как определенного текста поименованного закона выражается **в придании** каждой произошедшей в жизни ситуации, которая определена в норме, **значения основания возникновения описанных в норме правовых последствий.**

11. От нормы к юридическому факту. Знание о том, что, создавая норму, гражданский законодатель регулирует *определенную фактическую ситуацию*, требует от аналитика подвести ее под **категорию, именуемую «юридический факт».**

В логике предмета, способа и цели законодательного регулирования юридический факт приобретает **три смысла.**

Смысл первый. Юридический факт – это фактическая ситуация, **урегулированная гражданским законодателем** путем создания нормы права.

Смысл второй. Юридический факт – это фактическая ситуация, регулируя которую гражданский законодатель

а) **описывает** ее в норме и б) **объявляет основанием возникновения** описанных прав и обязанностей у выделенных фигурантов ситуации.

Смысл третий. Юридический факт – это жизненная ситуация, которая **на основании ее законодательного урегулирования в норме**, является **основанием возникновения**

а) у лиц, оказавшихся ее **фигурантами**,

б) описанных в норме и конкретизированных условиями ситуации **прав и обязанностей.**

12. Критический анализ догматических представлений о соотношении нормы права и юридического факта: разбор концепции О. А. Красавчикова. В советской и постсоветской юриспруденции общепризнанной является теория юридических фактов проф. О. А. Красавчикова, изложенная им в работе «Юридические факты в советском гражданском праве» [1].

1. Классическое определение. Рассуждая о соотношении нормы права и юридического факта в сфере гражданского права, О. А. Красавчиков исходит из *классического* определения юридических фактов как тех фактов реальной действительности, с которыми нормы права **связывают** наступление юридических последствий, то есть **связывают** возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (гражданских правоотношений) [1, с. 51, 65; 4, с. 37; 5, с. 129].

У читателя, желающего проникнуть в смысл этого определения, прежде всего возникает вопрос по поводу фразы «норма права **связывает**». Спрашивается, **что делает норма, связывая** с неким фактическим обстоятельством возникновение гражданских прав и обязанностей? Какими глаголами объяснить «норма права связывает»?

Знакомство с текстом автора не без труда позволяет найти глагол вроде бы проясняющий ответ на этот вопрос. Ученый по ходу дела пишет: «... Что же касается фактов реальной действительности, то их она (имеется в виду норма права. – Е. М.) может только предусмотреть» [1, с. 65]. И далее: «Она (имеется в виду норма права. – Е. М.) указывает на те конкретные условия, обстоятельства (факты), при наличии которых правовая связь приходит в движение» [1, С. 76].

Между тем утверждение автора о том, что норма права *предусматривает* некие обстоятельства, т. е. *указывает* на определенные факты реальной действительности

а) отвечает на вопрос, с какими фактами норма якобы связывает наступление правовых последствий (очевидно, с теми, которые она предусматривает, на которые она указывает),

б) но никаким образом не отвечает на вопрос, *что делает* норма, *связывая* с неким обстоятельством возникновение гражданских прав и обязанностей.

Иными словами, этим утверждением автор уточняет, что юридический факт – это предусмотренные в норме фактические обстоятельства, с которыми она связывает наступление неких правовых последствий.

По сути, автор хочет сказать, что норма права связывает возникновение правовых последствий с теми обстоятельствами, которые она *предусматривает*, на которые она *указывает*.

Но главное и критическое замечание здесь состоит в том, что *не норма* указывает на обстоятельства, а создающий норму **законодатель**. Норма права как *текст*, написанный законодателем, как *его высказывание* сама по себе есть **указание** законодателя на определенные факты.

Точнее говоря, если относиться к норме права как результату акта законодательного регулирования, то выходит, что гражданский законодатель, занимаясь регулированием, не столько указывает, сколько **описывает** определенную фактическую ситуацию в контексте высказывания, образующего норму.

2. От «норма связывает» до «норма – предпосылка». Дальнейший анализ работы О. А. Красавчикова показывает, что автора совершенно не интересует проблема объяснения, за счет какого содержания, каким образом, в силу какой природы норма связывает с предусмотренными ею фактами наступление правовых последствий.

Ученый озадачивается другим вопросом, *может ли норма порождать права и обязанности непосредственно, минуя юридический факт*. Полемизируя по этому поводу с С. А. Голунским и М. С. Строговичем, проф. А. В. Красавчиков, отталкиваясь от традиционного определения юридического факта, совершенно логично отвечает: «Конечно, не может».

«Норма права (общее предписание), – пишет автор, – никогда не может сама, помимо юридических фактов, породить те или другие юридические последствия» [1, с. 75]. Трудно не согласиться. Норма, согласно классике, *связывает* с неким жизненным обстоятельством возникновение прав и обязанностей и, следовательно, их *породить не может*. Права и обязанности порождаются юридическим фактом.

А дальше наш автор начинает с чисто логической точки зрения разворачивать этот тезис.

Раз норма лишь связывает, но не влечет наступление правовых последствий, значит, она «создает **юридическую возможность** (выделено мною. – Е. М.) возникновения, изменения и прекращения гражданского правоотношения».

При этом О. А. Красавчиков как бы поясняет, что «**связывает**» следует понимать, как «**указывает** (выделено мной. – Е. М.) на те конкретные условия, обстоятельства (факты), при наличии которых правовая связь приходит в движение».

Затем следует принципиальный вывод. «Поэтому, – пишет ученый, – норма права выступает в качестве одной из **общих предпосылок** (выделено мной. – Е. М.) возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений» [1, с. 75].

И дальше – уже решающее умозаключение. «Что же касается юридических фактов, то они реализуют создаваемую нормой права возможность движения гражданского правоотношения» и, следовательно, «в отличие от нормы права... выступают в качестве **конкретной** (частной) правовой основы динамики **конкретных** гражданских правоотношений» [1, с. 76].

Так, по мнению О. А. Красавчикова, а вместе с ним и всей советской и постсоветской юридической доктрины **проясняется соотношение и взаимосвязь** нормы права и юридических фактов. Это соотношение **общей предпосылки** и **частной основы** движения конкретного правоотношения [1, с. 102].

3. «Кружение мутной воды». Однако *проясняется ли?* Ведь что означает в *контексте* данного вывода фраза «**норма права – предпосылка**»? Она всего лишь означает, что **норма** каким-то образом **предпосылает, предваряет, обуславливает** возникновение гражданских прав и обязанностей из юридического факта.

Каким же образом обуславливает? За счет какого **содержания**? Вот *вопрос*, ответа на который *требует* канонический вывод о соотношении нормы и юридического факта.

Между тем юридическая догматика такого вопроса не знает. Почему?

Потому что в своих рассуждениях О. А. Красавчиков и другие ученые ограничиваются представлением о норме права как **общем предписании, регулирующем определенное общественное отношение**.

Потому что догматики не могут сказать *ничего определенного* про само это общее предписание, т. е. *не могут выделить ее содержание*, сформулировать *ее предметный смысл*.

Потому что опять же не могут сказать *ничего определенного про регулируемое общественное отношение*, в частности про его участников (субъектов), полагая, что «норма права (общее предписание) не обращена к какому-то конкретному лицу (лицам). Ее предписание обращено ко «всякому и каждому», чье поведение подпадает под действие этой нормы» [1, с. 75].

Между тем **главная причина** этой догматической неспособности заключается в том, что доктрина традиционно рассуждает о норме права

а) *вне контекста ее создания законодателем,*

б) *вне понимания, что она по способу своего бытия есть **определенный текст поименованного закона,***

б) *воспринимая ее как именуемую общим предписанием или правилом поведения субстанцию, способную **самостоятельно совершать действия законодателя:***

она и указывает на права, и наделяет правами, и возлагает обязанности, и, главное, *регулирует*,

в) *приписывая* таким образом норме (закону) функции ее творца.

Вот по этим причинам доктрина, решая проблему соотношения нормы и юридического факта, не способна выйти на содержательный вопрос о том, *каким же образом* норма обуславливает возникновение гражданских прав и обязанностей на основании определенного фактического обстоятельства.

Да и как выйти, если вывод «норма права – это **общая предпосылка**, а юридический факт – **частная основа**» получен исключительно **формально-логическим** путем, путем хождения по кругу логических следствий известного догматического штампа. Вот он, **этот круг**.

Норма связывает возникновение прав и обязанностей с неким жизненным фактом, *значит, их не порождает*. Только **жизненный факт**, т. е. юридический факт **порождает** (влечет) права и обязанности *в силу того, что норма права связывает* такое порождение.

В этой связи ни «общая предпосылка», ни «частная основа» как словесные обороты, находящиеся в логике *этого круга* и **различающиеся** только и исключительно *по степени приближенности* к факту наступления правовых последствий,

не могут объяснить механизм влияния нормы права на факты реальной действительности, в результате которого последние становятся **юридическими фактами**.

Подтверждением этого формализма является включение многими авторами и нормы, и юридического факта в число **юридических предпосылок** «для возникновения и последующего движения гражданского правоотношения» [1, с. 101], в число звеньев «цепочки», необходимой для возникновения юридических последствий [6, с. 21]. Выходит, поясняя различие между «норма права – общая предпосылка» и «юридический факт – частная основа», доктрина по сути может сказать **только одно**: норма – это **первая** предпосылка для наступления правовых последствий, а юридический факт – **последующая** (как правило, последняя). Вот такая простенькая арифметика.

4. Выход на объяснение. Чтобы преодолеть этот примитивный **формализм** и *встать на путь содержательного* решения вопроса о том, *каким образом* норма права связывает с определенным жизненным фактом возникновение прав и обязанностей,

необходимо прежде всего осознать **единичную норму права** как

а) определенный **текст поименованного закона**, содержащий **некое высказывание законодателя**, и как

б) **результат акта законодательного регулирования**.

Далее очевидно, что началом этого пути будет знание того, **о чем говорит** законодатель в норме, **какова формула** его высказывания.

Выше, излагая **новую парадигму**, мы получили ответ на этот вопрос. Всякая единичная норма гражданского права содержит следующее **высказывание законодателя**:

«Если случится описанная мной фактическая ситуация, то на этом основании

а) у лиц, оказавшихся обозначенными **мной фигурантами**,

б) **моментально или в момент наступления определенных обстоятельств (условий) будут возникать**

в) описанные **мною права и обязанности**».

Элементарный анализ данной формулы позволяет четко и последовательно **выстроить ряд выводов**, объясняющих механизм действия нормы и ее соотношение с юридическим фактом и его правовыми последствиями (правами и обязанностями).

Вывод первый. Создавая норму, *гражданский законодатель регулирует описанную им фактическую ситуацию*.

Комментарий. Норма в принципе не может регулировать, потому что регулирование – это *деятельность*, а норма – это *текст закона*. Соответственно, если норма не регулирует, то термин «общественные отношения» в контексте их регулирования есть *беспредметная* величина, практически бессмыслица.

Кстати, именно поэтому, рассуждая по поводу соотношения нормы права и юридического факта, доктрина не может в силу пустоты ее содержания применить догму о регулировании нормой общественных отношений.

Вывод второй. *Способ*, а следовательно, и *смысл* регулирования законодателем некой фактической ситуации заключается в объявлении

всякой *случившейся в реальной жизни ситуации*, которая *описана* в норме, **основанием возникновения** у лиц, оказавшихся ее фигурантами, тех прав и обязанностей, которые законодатель *описал* в норме.

Комментарий. Таким образом, деятельность законодателя по созданию единичной нормы заключается, **во-первых**, в описании регулируемой ситуации, **во-вторых**, в определении ее фигурантов и, **в-третьих**, в описании прав и обязанностей, которые будут возникать у лиц, оказавшихся соответствующими фигурантами, если произойдет ситуация.

Выходит, что текст нормы, понимаемый как высказывание законодателя, позволяет в силу содержащегося в ней описания опознать 1) ситуацию, которая случится, 2) лиц, у которых возникли права и обязанности, и 3) сами права и обязанности.

Содержание нормы, как мы видим, создается **работой законодателя по урегулированию** определенной фактической ситуации. В этом смысле укоренившаяся в традиционной юриспруденции догма, согласно которой *регулированием занимается норма, а не законодатель*, вынуждает аналитика увидеть в ней предписание, «сияющее» *пустотой содержания*, химеру, создающую саму себя, *фантом*, сконструированный ошибкой реификации.

Понимание того, **что описывает** законодатель в норме, подчеркивает **ошибочность** догмы **о том**, что образующее норму предписание обращено ко «всякому и каждому», чье поведение подпадает под действие этой нормы [1, с.75], что «нормы права представляют собой общие правила, рассчитанные на неопределенный круг лиц» [6, с. 23], что норма предписывает правильный для каждого индивида образ действий [7]. «Кто из определенной массы субъектов, – замечал О. А. Красавчиков, – станет участником правоотношения, еще не известно» [1, с.75].

Единичная норма права как высказывание законодателя обращено

а) не ко всякому и каждому, не к неопределенному кругу лиц, а

б) к лицам, которые могут оказаться обозначенными законодателем в норме *фигурантами урегулированной и случившейся ситуации*.

Дело не в том, что *неизвестно*, кто из определенной массы субъектов станет участником правоотношения,

а в том, что описанные в норме права и обязанности возникнут **у тех лиц**, которые стали фигурантами описанной в норме ситуации.

Вывод третий. Единичная норма права, как известное *высказывание законодателя*, является **основанием** того, что

всякая описанная в норме *случившаяся ситуация*
сама становится **основанием возникновения**

а) у лиц, оказавшихся *ее фигурантами*,
б) *описанных в норме* прав и обязанностей, которые *конкретизированы* условиями фактической ситуации.

Комментарий. Этот постулат «высвечивает» ответ на вопрос, как **действует норма права**, каким образом **она влияет** на реальную жизнь.

Не тем, что регулирует *мифические* общественные отношения и наделяет ее *непонятных субъектов неведомыми* правам и обязанностями,

но тем, что *всякую произошедшую ситуацию*, которая подпадает под описанную в норме, **«делает»** *основанием возникновения* тех прав и обязанностей, которые описал законодатель, у тех лиц, которые стали участниками ситуации.

Представленное рассуждение объясняет ошибочность сформулированного О. А. Красавчиковым догмата о соотношении нормы и юридического факта, в котором норма права определяется как *одна из общих предпосылок*, а юридический факт – как *частная основа* возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений [1, с. 76].

Во-первых, норма права как раскрытое выше высказывание законодателя является не *одной из общих предпосылок*, а **единственным основанием**.

Во-вторых, норма права является

а) не предпосылкой того, что доктрина называет «*возникновение гражданских прав и обязанностей*»,

б) а **основанием возникновения гражданских прав и обязанностей на основании (из) юридического факта**,

в) то есть **основанием** того, что

всякая фактическая ситуация (**юридический факт**), которую законодатель *урегулировал и описал в данной норме*,

будет выступать **основанием возникновения** так называемых гражданских прав и обязанностей.

Ошибка доктрины, таким образом, заключается в часто повторяющемся утверждении, что **и** норма, **и** юридический факт обуславливают **один и тот же правовой результат** – *возникновение прав и обязанностей*. Нет, это не так.

Норма права выступает основанием **возникновения гражданских прав и обязанностей на основании случившейся ситуации (юридического факта)**.

Соответственно, **юридический факт** выступает основанием **возникновения гражданских прав и обязанностей**.

Еще раз констатируем: правовой эффект, который обосновывает норма, заключается **не столько** в возникновении прав и обязанностей, **сколько** в их возникновении **на основании определенной фактической ситуации**. Именно **про такое возникновение** гражданский законодатель заявляет в норме, **описывая** прежде всего саму регулируемую ситуацию (**юридический факт**), **определяя** права и обязанности и **обозначая** фигурантов ситуации, у которых последние возникнут.

В-третьих, определяя правовые последствия нормы и юридического факта **исключительно** через термины «гражданские права и обязанности» или «правоотно-

шение», доктрина демонстрирует свою неспособность уточнить их содержание, как-то конкретизировать, сказать, что это такое.

Для доктрины «права и обязанности» («правоотношение») – *проходные слова*, нечто *само собой разумеющееся*. «Правовые последствия» – это «возникновение (изменение, прекращение) гражданских прав и обязанностей», а «гражданские права и обязанности» – это «гражданское правоотношение». Что тут еще скажешь? Ничего.

Между тем за терминами «правоотношение», «субъективное гражданское право», «гражданско-правовая обязанность» стоят вполне определенные **объекты деятельности**. Ведь они *возникают*, значит, возникают в реальной жизни, да еще у определенных лиц. И значит, существует *проблема исследования* этих объектов.

Деятельностный подход к норме права позволяет сделать первый шаг в этом направлении. Единичная норма права является основанием **возникновения из случившегося юридического факта**

а) не просто гражданских прав и обязанностей,

б) *но* **тех** прав и обязанностей, которые *описаны* в норме и **конкретизированы** условиями фактической ситуации.

Трудно согласиться с мнением О. В. Красавчикова, согласно которому «в отличие от нормы права юридические факты выступают в качестве *к о н к р е т н о й* (частной) правовой основы динамики *к о н к р е т н ы х* гражданских правоотношений» [1, с. 76]. Автор таким образом хотел сказать, что в отличие от юридических фактов норма является общей предпосылкой не конкретных, а, видимо, общих правоотношений.

Между тем права и обязанности, возникающие на основании единичной нормы и соответствующего ей, т. е. предусмотренного в ней юридического факта, – это те права и обязанности, которые **одинаковым образом определены и конкретизированы**.

Они идентичным образом **определены**, потому что **описаны** законодателем в норме *возникающими на основании описанной* ситуации. Они идентичным образом **конкретизированы**, потому что **уточняются** условиями *случившейся ситуации и лицами-фигурантами*, у которых они возникают.

Ссылки

1. Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. М.: Статут, 2005. Т. 2. 494 с.
2. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит. 1982. Т. 2. 360 с.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. Филиппова С. Ю. Юридические действия как юридические факты в российском гражданском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 559 с.
5. Цуканова Е. Ю. Юридический факт как правовая модель обстоятельства реальной действительности // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 5А. С. 128–133.
6. Рожкова М. А. Теория юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 418 с.
7. Цечоев В. К., Швандерова А. Р. Теория государства и права: учебник. М.: Прометей, 2017. 300 с.